

A movie poster featuring a woman with long blonde hair in a purple shirt and white skirt, a muscular man in a white shirt holding a black jacket, and a young girl in a white sweater with roller skates. They are in a park with a gazebo and city buildings in the background.

Вера
ЛЮБИМОВА
ОЛЬГА ДАШКОВА

ИЩУ ПАПУ! СРОЧНО

Ольга Дашкова

Ищу Папу! Строчно!

«Автор»

2026

Дашкова О. В.

Ищу Папу! Строчно! / О. В. Дашкова — «Автор», 2026

Шесть лет я жила без него. Растила дочь, придумала ей отца-героя, научилась не оглядываться. А потом он вернулся. Сел на нашу скамейку в парке. В мой май. В мою жизнь. — Поговори со мной, — сказал. — Всего один раз. Я сказала себе: полчаса. Просто разговор, просто нужно высказать все, что копилось годами. Но старые двери не открываются просто так. Особенно если за ними стоит человек из прошлого. Человек, который тебя предал. С глазами твоей дочери. Я все еще злюсь на него.

© Дашкова О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Вера Любимова, Ольга Дашкова

Ищу Папу! Строчно!

Глава 1

Не люблю май.

Никогда не любил. Еще с детства, когда все вокруг радовались теплу, каникулам, первому мороженому, я смотрел на всеобщее ликование и думал: *ну и что?*

Май заканчивается. За ним приходит июнь, потом июль, потом осень серая, честная, без претензий. Осень не делает вид, что все хорошо. Осень просто есть.

Май врёт. Красиво, нагло, с цветущими каштанами и небом такого синего оттенка, какой бывает только это время года. Я знаю этот цвет, я его помню. Именно поэтому я его не люблю.

Шесть лет назад все тоже началось в мае.

И закончилось.

Москва отпустила меня без лишних вопросов. Контракт подписан, задача поставлена, три месяца в родном городе по делам филиала. Серега смотрел мне вслед с таким выражением лица, будто провожал не в командировку, а на войну. Может, что-то чувствовал. Серега вообще чувствует больше, чем говорит, за это я его и держу.

Я сам себе все объяснил просто: дела. Только дела. Город большой, шесть лет это достаточный срок, чтобы люди разъехались по разным районам и больше не пересекались. По статистике, вероятность встречи практически нулевая. Математика на моей стороне.

Всегда любил математику. Она не врёт.

Съемная квартира оказалась белой коробкой с двумя стульями и запахом свежей краски. Арендодатель назвал это «лаконичным современным интерьером». Я назвал это «поводом сходиться за кофе».

Кофемашины, разумеется, не было.

Парк нашелся сам, через два квартала, там же, где и был. Город не изменился. Это почему-то раздражало, словно он не имел права оставаться прежним, пока я шесть лет старательно превращался в другого человека.

Те же каштановые аллеи. Те же скамейки, выкрашенные в зеленый цвет. Та же нелепая розовая карусель у детской площадки, а вот лошадки были на ней новые, яркие, веселые такие.

Но для меня и они не имели права быть свежими и радостными. Вообще парк значительно изменился, стал опрятнее, современнее, это я не хотел этого замечать.

Купил кофе, нашел скамейку подальше от детской площадки, подальше от шума, от чужих детей, от чужого счастья – и сел.

Утро было обычным. Собака. Пенсионер с газетой. Мама с коляской. Голубь, который смотрел на меня так, будто я занял его место. Закрыв глаза и выдохнул.

Три месяца. Только работа. Математика на моей стороне.

Четыре секунды тишины. А потом...

Удар.

Точный, прицельный, прямо по голени. Кофе выплеснулся на руку, резко открыл глаза и посмотрел вниз.

Фиолетовый самокат. С белыми колесами. А рядом – девочка.

Лет пяти или около того, белокурая, с двумя хвостиками, чуть растрепанными на концах. В джинсах с нашивкой-звездочкой на колене и свитере с уточками. Смотрела на меня без малейшего признака вины. Спокойно, изучающе, как смотрят на интересное, но пока непонятное явление природы.

- Извините, – сказала она. – Я пока не очень хорошо вожу.
- Ничего, – ответил.
- Вы пролили кофе.
- Я заметил.
- Горячий был?
- Уже нет.

Она кивнула, серьезно так, как врач, получивший нужный ответ, еще раз посмотрела на мою руку, чтобы убедиться.

– Немного покраснело. Надо приложить что-нибудь холодное. У меня нет льда, но вон там, – она махнула рукой куда-то в сторону, – продают воду в бутылках. Если взять холодную, поможет.

Посмотрел на нее, она смотрела на меня. В ее взгляде не было ничего детского, только внимательность и какое-то спокойное ожидание.

- Спасибо, – сказал. – Обойдусь.
- Ну как хотите, – согласилась без обиды. – Вы сердитесь?
- Нет.
- У вас такое лицо.
- Это просто лицо.

Девочка помолчала, явно не до конца убежденная, поставила самокат ровно рядом со скамейкой, так хозяйственно, аккуратно, как будто собиралась остаться надолго.

- Меня зовут Варвара, – сообщила и посмотрела выжидающе.
- Андрей.
- Просто Андрей?
- Просто Андрей.

Она немного подумала.

– А по отчеству?

– Александрович.

– Андрей Александрович, – повторила, словно примеряясь. – Хорошее имя. Серьезное. Мне нравится. Меня зовут Варвара Николаевна. Мне пять лет. 31 декабря будет шесть.

– Поздравляю заранее.

– Не надо заранее, – поморщилась она. – Это несправедливо – когда день рождения в Новый год это несправедливо. Все готовятся его встретить, покупают подарки, наряжают елку, а про мое день рождения, словно никто и не знает. У меня даже подарок один, ну, общий. Я уже три года об этом маме говорю, что это нечестно всего один подарок.

– И что мама?

– Говорит, что это не важно, а важно внимание, – Варвара посмотрела на меня с видом человека, который слышал эту фразу слишком часто. – Но она просто так говорит. Чтобы мне не было обидно.

Неожиданно для себя почти улыбнулся. Почти.

– Может, и правда не важно. Зато самый красивый и веселый день рождения получается.

– Может, – согласилась она без особой уверенности. Секунду помолчала. – Вы здесь живете?

– Временно.

– А до этого где жили?

– В Москве.

– В Москве, – задумчиво повторила она. – Там есть метро. Я никогда не ездила в метро. Мама говорит, что поедем, когда я подрасту. Но я уже достаточно взрослая, просто она пока этого не заметила.

– Бывает.

– Вы часто будете сидеть на этой скамейке?

Вопрос был задан так буднично и деловито, что я не сразу нашелся с ответом.

– Не знаю.

– Я здесь каждое утро, – сообщила она как бы невзначай. – Мама сейчас зашла по работе, а я гуляю. – Самокат мне подарили на прошлый день рождения. Я уже почти научилась, просто иногда немного не туда сворачиваю.

– Это я заметил.

– Зато теперь мы познакомились, – резонно заметила Варвара. – Было бы грустно, если бы вы все утро просто так просидели. Вы вообще в порядке?

– С чего ты взяла, что нет? – посмотрел на девочку. Она пожала плечами – серьезно, почти по-взрослому.

– Вы сидите один. Кофе пьете один. У вас такое лицо, будто вы что-то вспоминаете и вам от этого не по себе. Мама тоже иногда так сидит. Смотрит в окно и о чем-то думает. Я спрашиваю, она говорит: «Все хорошо». Но я же вижу. Я же взрослая.

Помолчал на секунду дольше, чем следовало.

– Ты внимательная.

– Мама говорит, что слишком, – согласилась Варвара без тени смущения. – Говорит, что я замечаю то, чего замечать не надо. А я думаю, что надо. Просто взрослые этого не любят.

Открыл рот и в этот момент услышал шаги, стук каблуков по асфальту, повернулся в ту сторону и...

Я увидел сначала белую юбку. Потом фиолетовый шарф, светлые волосы слегка развевал ветер. Потом телефон в руке и то выражение лица, с которым ищут то, что потеряли: знакомое раздражение пополам с облегчением, что нашелся.

Она шла и смотрела на мою новую знакомую.

Потом подняла глаза. И остановилась.

Элина.

Шесть лет. Ни одного лишнего килограмма. Ни одной лишней морщины. Волосы те же – светлые, чуть волнистые, собранные небрежно. И взгляд, тот же и совсем другой одновременно. Тот же цвет глаз, но другая глубина. Как будто за шесть лет в этих глазах осело, что-то тяжелое, постоянное.

Я считал секунды... Один... Два... Три....

Каштан над головой выбрал именно этот момент, чтобы уронить цветок в мой стакан. Тихо, почти издевательски.

Шесть лет назад я тоже вот так смотрел. И тоже считал секунды, только тогда цифры шли в другую сторону: не вперед, а назад, стирая все, во что я верил. Коридор. Дверь. Полумрак. Два силуэта.

Одной секунды хватило. Мне больше и не нужно было. Я ушел. Не сказав ни слова. Просто ушел, потому что такая боль не оставляет места для разговоров. Она оставляет место только для одного движения: вперед. Прочь. Без оглядки.

Думал, это правильно.

– Варвара, – голос Элины был ровным, очень ровным. – Иди сюда.

– Мам, я познакомилась, – с достоинством отозвалась Варвара. – Это Андрей Александрович. Он из Москвы. Временно.

– Я вижу. Пойдем, нам пора. И сколько раз я тебе говорила, что нельзя знакомиться с кем попало на улице?

С кем попало? Это она обо мне?

– Но это не «кто попало», Это Андрей.

– Варвара, – повторила строго Элина, даже не смотря на меня, словно я действительно был кем попало.

Варвара неторопливо и с достоинством слезла со скамейки, забрала самокат, но потом обернулась ко мне.

– Мы еще увидимся, – сказала утвердительно. – Я здесь каждое утро. Вы же сами сказали – не знаете, сколько времени это займет.

– Варвара, – повторила Элина.

– Иду, – вздохнула Варвара с интонацией человека, которого постоянно прерывают на самом важном месте.

Элина не смотрела на меня, взяла дочь за руку, что-то тихо сказала ей и пошла по аллее. Спина прямая. Шаг быстрый. Фиолетовый шарф слегка развевается. Ни разу не обернулась.

А я сидел с остывшим кофе и смотрел им вслед. В голове было странно тихо.

Девочка. Светло-серые глаза. Чуть прищуренные. Внимательные.

У Элины другие глаза.

Медленно поставил стакан на скамейку. На поверхности остатков кофе покачивался каштановый цветок. Математика, говорил я себе. Математика на моей стороне.

Девочке пять лет. 31 декабря будет шесть лет.

Встал. Пошел к выходу из парка. Считал шаги – это помогало не думать. На двадцать третьем шаге я остановился.

Постоял. Не обернулся. Пошел дальше.

Три месяца. Только дела. Все случайно.

Вокруг цвел май: оглушительно, беззастенчиво, без малейших извинений. Я все-таки его ненавижу.

Глава 2

Узнала его сразу.

Разумеется, узнала – я же не слепая. И не та наивная девочка, которая думает, что за шесть лет человек может измениться до неузнаваемости.

Шесть лет изменили меня. А его – нет. Те же плечи. Та же посадка головы. То же выражение лица, которое посторонние называют высокомерием, а я когда-то знала ему настоящее название.

Боль. Просто боль, которую он научился носить как броню. Я узнала его – и сделала единственное, что умею хорошо делать последние шесть лет.

Не подала виду.

– Варвара, – сказала ровным голосом. – Подойди.

Варвара, разумеется, не торопилась. Варвара никогда никуда не торопится, когда это нужно мне, и всегда несется сломя голову, когда это нужно ей. Закон природы, ничего не поделаешь.

Не смотрела на него. Я смотрела на дочь, на ее растрепанные хвостики, на самокат, на дорожку под ногами – куда угодно, только не на скамейку, где сидел Андрей Александрович Титов собственной персоной и, кажется, тоже старательно смотрел куда-то мимо меня.

Хорошо. Значит, договорились без слов.

Сказала что-то еще про «кого попало», само как-то вырвалось, хотя, так оно и есть, Андрей Титов для нас никто, а значить, кто попало.

Взяла Варвару за руку и пошла. Быстро, ровно, с прямой спиной, это я умею, этому меня научили не курсы осанки и не балетная школа, а пять лет материнства в одиночку, когда падать просто некогда.

– Мам, а кто этот дядя? – спросила Варвара через тридцать секунд.

– Никто, – ответила.

– Он сказал, что его зовут Андрей Александрович. Он из Москвы. Он здесь временно.

– Я тебе сколько говорила чтобы ты не разговаривала с незнакомцами?

– У него грустное лицо, – дочь словно меня не слышала.

– Варвара.

– Что? Я просто говорю. У него грустное лицо, он сидит один, кофе уже остыл, я видела пар – его не было. Значит, он долго сидел. О чем-то думал.

Я шла и молчала.

– Мам, ты его знаешь?

– С чего ты взяла?

– Ты так держишь меня за руку.

Разжала пальцы, чуть-чуть. Варвара посмотрела на меня снизу вверх, серьезно, внимательно и больше ничего не сказала.

Вот это было страшнее всего. Когда Варвара молчит – она думает. А когда она думает – она приходит к выводам, которые потом невозможно опровергнуть.

Ей пять лет. Пять лет – и уже адвокат, прокурор и судья в одном лице.

В кого она такая, – подумала я. И сразу же перестала думать, потому что знаю ответ.

Дома я включила чайник, достала чашку, убрала ее обратно, снова поставила. Открыла ноутбук – закрыла. Взяла телефон – положила.

Варвара устроилась на ковре с конструктором и делала вид, что строит замок, а на самом деле наблюдала за мной. Я чувствовала этот взгляд спиной.

– Мам, у нас есть печенье?

– В шкафу, на нижней полке.

– Я знаю где. Просто спрашиваю. – Пауза. – Ты в порядке?

– Да.

– Ты уже три раза включала чайник.

– Варвара, займись замком.

Она вздохнула с интонацией, которую я никогда у нее не слышала, но которая возникла сама собой, откуда-то из генетической памяти, и вернулась к конструктору. Взяла телефон и написала Игорю.

Он приехал.

Три точки. Пауза. Потом: *Знаю. Видел его вчера у офиса. Элина, я...*

Я убрала телефон, не дочитав.

Семь лет назад я была другой.

Не лучше и не хуже, а просто другая. Та, которая по умолчанию верит в хорошее. Та, которая громко смеется и не задумывается, прилично ли это.

Так, которой в канун Нового года любимый мужчина сделал предложение и надел на палец красивое помолвочное кольцо. Та, которая уже в январе примеряла свадебное платье. Белое, с кружевом на плечах, чуть длиннее, чем по моде, но именно такое, о каком я мечтала с детства, и думала только об одном: *как он на меня посмотрит.*

Мы назначили свадьбу на июнь. В мае я купила платье.

В мае я узнала, что беременна.

Я помню этот день до мельчайших подробностей. Так помнят только то, что перевернуло всю жизнь. Суббота. Утро. Тест на столешнице в ванной: одна полоска, потом вторая, потом я долго сидела на краю ванны и смотрела в стену. Не от страха. От неожиданности, которая очень быстро сменилась тихой растерянной радостью.

Ребенок. Наш ребенок. До свадьбы – но это неважно. Мы все равно будем вместе.

Хотела сказать Андрею сразу. В тот же день.

Позвонила, он был на совещании. Написала, ответил через час: *позже, занят, все в порядке?* Я написала: *да, все хорошо, просто хочу увидеться.* Он написал: *вечером приходи в офис, подожди меня.*

Пришла в офис.

Андрей был занят, секретарша сказала, что у него Пономарев, и это еще минут на двадцать. Я сказала, что подожду, присела в приемной. Потом подумала: зайду к Игорю, его кабинет соседний, он друг Андрея, мы хорошо общались, просто поздороваюсь, убью так сказать время.

Игорь был рад меня видеть, подошел, остановился слишком близко. Я увидела его лицо, и что-то в нем было такое, от чего у меня внутри все похолодело еще до того, как я поняла, что происходит.

Он наклонился ко мне. Быстро. Поцеловал, настойчиво, страстно я бы сказала, я не успела отреагировать сразу, для меня это было шоком. Ступор. Непонимание. И лишь потом резко оттолкнула его обеими руками и сделала шаг назад.

– Игорь, ты что...

– Элина, прости, я просто...

– Не надо. Не надо ничего.

Вышла из кабинета, в приемной никого не было, секретарь уже ушла, заглянула в кабинет Андрея, его тоже там не было. Дошла до лифта, спустилась вниз, вышла на улицу, и только там остановилась и поняла, что у меня дрожат руки.

Я не знала, что Андрей был в коридоре.

Я не знала, что он все видел.

Я просто шла домой и думала: *надо поговорить с Игорем. Надо выяснить. Надо сказать Андрею, но сначала нужно понять, что вообще произошло, потому что иначе это будет выглядеть странно.*

Думала, у меня есть время. Но его не оказалось.

В тот же вечер позвонил Андрей. Голос был ровным, таким ровным, что я сразу поняла: что-то не так.

– Я видел, – сказал он.

– Андрей, подожди, это не...

– Я видел, Элина.

И все.

Он не кричал. Не обвинял. Просто отключился и исчез. Телефон недоступен. Дверь в квартиру никто не открыл. На следующий день выяснилось, что он уехал. Быстро, за одну ночь, как умеют уезжают только те, кто давно держит у двери чемодан на всякий случай.

Я звонила три дня. Писала. Стояла под окнами его квартиры под дождем, как последняя дура, просто стояла и смотрела на темные окна еще не зная, что он уехал.

На четвертый день я узнала, что он в Москве. На пятый – перестала ему звонить. У меня не было сил на звонки. Меня тошнило по утрам, кружилась голова, и где-то внутри рос человек, которому было совершенно все равно, уехал папа или нет.

Свадьба естественно отменилась, хорошо, что не успели разослать приглашения. Мои родители долго расспрашивали меня, что же случилось, я не говорила, было стыдно и даже не за себя, за Андрея. За то что я полюбила труса. Ведь только трусы убегают.

Сняла свадебное платье с вешалки, убрала в чехол, положила в шкаф. Оно до сих пор там. Для чего? Не знаю. Может как напоминает о глупой мечте.

– Ма-а-ам.

Резко вернулась в сегодняшний день, как будто вынырнула из воды. Варвара стояла передо мной с половиной конструктора в руках и смотрела на меня с легким укором.

– Ты опять куда-то улетела.

– Я здесь.

– Не здесь. Ты сидишь и смотришь в стену, – дочка помолчала. – Мам, это из-за того дяди в парке?

– Варвара, хватит.

– Я просто спрашиваю.

– Я сказала – хватит! – голос прозвучал громче, чем я хотела. Гораздо громче.

Варвара замолчала. Конструктор в ее руках звякнул, она крепче сжала детали. Нижняя губа чуть дрогнула, совсем чуть-чуть, она умеет держать себя в руках, моя девочка, она очень умеет держать себя в руках, но я это заметила.

И что-то во мне сломалось.

– Варя, – опустилась на колени прямо на пол. – Иди сюда.

Она подошла осторожно, с достоинством, не уронив ни одной детали конструктора. Я крепко обняла ее, уткнувшись носом в макушку, где пахло детским шампунем и чем-то неуловимо своим, тем запахом, который я помню с первой минуты ее жизни.

– Прости меня, – сказала. – Мама была неправа. Прости.

Варвара секунду помолчала. Потом осторожно обняла меня в ответ, одной рукой.

– Ты плачешь? – тихо спросила она.

– Немного.

– Из-за того дяди?

Не ответила. Варвара серьезно, почти по-взрослому вздохнула и погладила меня по плечу. Так, как я глажу ее, когда ей плохо. Она все запоминает. Все повторяет.

В кого она такая. Я знаю в кого. Всегда знала.

– Мам, – сказала Варвара после долгой паузы. – Он хороший. Я чувствую.

– Ты его видела всего пять минут.

– Мне хватило.

Тихо, сквозь слезы засмеялась, которые все-таки текли, и крепче прижала ее к себе.

За окном цвел май. Наглый, яркий, бесовестный. С каштанами, голубым небом и каруселью в парке, которая скрипела так же, как и шесть лет назад.

Белое платье висело в шкафу. Я до сих пор его не выбросила. Наверное, это что-то значит. Наверное, я все еще жду, что однажды найду в себе силы это сделать.

Или... и эту мысль я обычно не додумываю до конца, жду сама не знаю чего.

Глава 3

Меня зовут Варвара Николаева.

Мне пять лет. Но это несправедливо – и вот почему.

У

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.